

*Екатерина Сердюкова*

## **ПАРАТЕКСТУАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В ЛИРИКЕ ВЕНИАМИНА БЛАЖЕННОГО, АНДРЕЯ СКОРИНКИНА И КОНСТАНТИНА МИХЕЕВА**

В настоящее время исследование проблемы интертекстуальности, «кросс-текстового» взаимодействия художественных произведений привлекает внимание ученых различных областей гуманитарного знания: философов, культурологов, литературоведов и лингвистов. Термин интертекстуальность, несмотря на многообразие существующих концепций, обладает простой и понятной внутренней структурой: *inter* – «между», лат. *intertextum* – «вплетение внутрь». В контексте научной статьи интертекстуальность мы будем трактовать как универсальную связь между художественными текстами (кросс-текстовое взаимодействие).

Наиболее общей классификацией моделирования «своего» и «чужого» текстов считается пятичленная типология межтекстового взаимодействия Ж. Женетта: интертекстуальность понимается им как непосредственное присутствие в одном тексте двух или более текстов в виде цитаты, плагиата или аллюзии; паратекстуальность представляет собой взаимосвязь текста и его частей (названия, подзаголовка, эпиграфа и др.); модификации исходного

текста в виде пародий, имитаций или адаптаций являются основанием для выделения такого типа межтекстовых взаимодействий, как гипертекстуальность; архитектурность Ж. Женетт понимает как жанровые связи текстов; метатекстуальность в рамках типологии французского литературоведа рассматривается как связь двух или более текстов в виде комментирующей и часто критической ссылки на предшествующий текст [4, 241].

В статье ограничимся исследованием паратекстуальности как универсальной взаимосвязи текста и его частей, выражающей персонцентричную ориентацию личности автора. Основоположником научной концепции персонцентризма в современном белорусском литературоведении является А. Андреев. «Персонцентризм в философии и литературе – это сознательное следование законам, которые являются языком культуры, при этом сознательное включение бессознательного в художественный дискурс является законом» [1, 70]. Соединение в процессе исследования теорий интертекстуальности и персонцентризма позволяет нам рассматривать интертекстуальность как универсальную межтекстовую связь сознательного (преднамеренное включение автором в канву художественного произведения различных отсылок к прецедентным текстам, именам и событиям) и бессознательного (базируется на теории «фоновых знаний») характера.

Если определить общую персонцентричную структуру паратекстуального типа межтекстовых отношений, то она будет выглядеть так: «Текст – Рамочный текст». Отметим, что понятие «рамочный текст» включает в себя всевозможные компоненты паратекстуальности, начиная от имени автора и заканчивая послесловием или авторским комментарием.

В современном литературоведении предпринимались попытки исследования паратекстуальности как общего характера (паратекстуальным подход к художественным произведениям) [3], так и частной направленности (паратекстуальность как тип взаимодействия текстов). Однако объектом научных изысканий чаще становилась проза и драматургия [2; 6].

Так, Н. С. Олизко на материале творчества Дж. Барта делает подробный анализ паратекстовых элементов. «Паратекстуальность служит средством реализации индексальных связей в околотекстовом рамочном пространстве. Рамка текста состоит из начала и конца произведения. Начало текста может включать в себя следующие составляющие: имя автора, заголовок, подзаголовок, содержание, посвящение, эпиграф, предисловие / введение. Конец текста составляют оглавление, авторское послесловие, примечания, комментарии» [6].

В контексте нашего исследования представляется нецелесообразным рассмотрение имени автора как отдельного компонента паратекстуальности. Связано это прежде всего с тем, что статья носит обобщающий характер: перед нами не стоит задача показать индивидуально-авторские особенности лирических произведений. И вместе с тем нельзя не согласиться с мнением о том, что имя автора выполняет информативную функцию (сообщает читателю

о принадлежности текста к литературному направлению, указывает на жанрово-тематическую специфику произведения). Принимая во внимание вышеизложенные тезисы и учитывая специфику материала, на котором базируется наше исследование, отметим, что творческое наследие рассматриваемых нами авторов относится к феномену русскоязычной поэзии Беларуси, что является существенным и значимым фактором при интерпретации художественных произведений, их толковании и выявлении функциональных возможностей паратекстуальных элементов.

Интертекстуальный анализ русскоязычной поэзии Беларуси обозначенного периода позволил выделить следующие компоненты паратекстуальности: заголовок, подзаголовок, эпиграф, посвящение.

Заголовок (заглавие, название) стихотворения обладает относительной автономностью, но вместе с тем он неотделим от произведения и включает в себе контекст основного текста. Назовем несколько стихотворений, иллюстрирующих эту особенность. Так, у К. Михеева лирические тексты «Круг творенья», «Грехопадение», «Путь Каина», «Крестовый поход» наглядно демонстрируют прямые отсылки к Библии и вместе с тем репрезентируют самостоятельность в трактовке библейских сюжетов и идей, что доказывается объединенностью стихотворений в тематические циклы, например «Паралипоменон», «Solvat seclum» и др. Информативность заглавия заключается в его способности раскрыть содержательный план произведения и подключить к интерпретации фоновые знания автора и реципиента.

Проведенное исследование показало закономерность следующего характера: заглавие как атрибут художественного произведения демонстрирует различные интертекстуальные отношения. Наличие заглавия способствует многоплановому «диалогу текстов», раскрывая его интертекстуальную природу. Например, в творческом наследии А. Скоринкина выделяется корпус лирических произведений с однотипным заголовком («К\*», «К\*\*» и «К\*\*\*»), указывающим одновременно на два прецедентных текста: стихотворения А. Пушкина «К\*\*\*» (Я помню чудное мгновенье...) и М. Лермонтова «К\*\*\*» (Я не унижусь пред тобою...). Русскоязычный поэт Беларуси продолжает любовную тематику, представленную у классиков русской литературы:

Я вас люблю всем сердцем, всей душой,  
Вы для меня спасительницей стали!  
Я умирал, меня вы подобрали,  
И вот теперь я, кажется, живой... «К\*\*\*» [7, 74].  
Или:  
Вы были крестом для меня;  
Я нёс вас смиренно и кротко,  
Но дожил до Судного дня...  
Прощайте навеки, красotka! «К\*\*» [7, 108].

После заголовка возможно использование подзаголовка, выполняющего одновременно две функции: формообразующую и

смыслообразующую. Так, А. Скоринкин в своем стихотворении «Роковое письмо» применяет следующий подзаголовок – по мотивам Пушкина, сознательно указывая реципиенту на интертекстуальную природу своего произведения, и выделяет сопутствующий элемент межтекстового взаимодействия – мотив, посредством которого взаимосвязаны его текст с «Евгением Онегиным» А. Пушкина:

Я к вам пишу в последний раз...

И слезы катятся из глаз

На лист бумаги, размывая

Черты письма... Его читая,

Вы все поймете без труда... [8, 127].

Подобные конструкции характерны для поэтического пространства как А. Скоринкина – «Романс» (Из А. Звонака), «Белый всадник» (Из А. Звонака), «Смута» (Из Гёте), «Путешествие Апостола» (По мотивам Нестора), «Тимур» (Восточная повесть), так и других русскоязычных поэтов Беларуси, например в лирике Т. Красновой-Гусаченко – «В зимнюю ночь» (Пушкинские мотивы), «Восхождение» (Причеты) и «Дед» (Быль) – жанровая идентификация, реализующаяся на базе персонцентричной структуры архитекстуального типа «Текст – Жанр текста».

Заголовок и подзаголовок как элементы паратекстуальности задают установку на межтекстовое восприятие лирических произведений.

Рассмотрим использование эпитафии в русскоязычной поэзии Беларуси как «чужого» слова, которое трансформируется в авторском тексте и становится «своим». Аппелируя к чужим высказываниям, поэты вступают в полемический диалог с их автором. Например, стихотворение «Последний Рим» К. Михеева начинается со слов митрополита Филофея «...два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не бытии» [5, 97], которые критически переосмысливаются автором, отвергающим мифы, созданные вокруг России. Однако процесс включения эпитафии в поэтическое пространство может преследовать и иную цель – лирик делает его отправной точкой для утверждения собственного мнения. Слова К. Батюшкова «Проснулся он: и что ж? Отчизны не познал» [5, 150] являются эпитафией к стихотворению «Итака» и направляют читателя к постижению авторского замысла.

Подобная функциональная дуплановость характеризует поэтическое пространство русскоязычной лирики Беларуси как диалогическое и поликультурное. Источники прецедентных текстов, выступающих в роли эпитафий, подразделяются на несколько групп:

1. Слова из библейских книг (Откровение Иоанна Богослова, Евангелие от Луки, Евангелие от Матфея, Послание к Римлянам);
2. Поэтические строки русских поэтов (А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, Н. Некрасова, С. Есенина, В. Маяковского, А. Ахматовой, М. Цветаевой, Н. Клюева и др.);

3. Употребление строк зарубежных авторов, которые русскоязычные поэты Беларуси приводят на языке первоисточника с последующим переводом в виде комментария или без него (Байрон, Шенье и др.).

Характерной особенностью русскоязычной лирики Беларуси стало использование одновременно двух эпиграфов к одному стихотворению. Данный прием можно соотносить с понятием «двойного кодирования» текста (Ч. Дженкс), это значит, что художественное произведение (текст) закодировано минимум дважды. В стихотворении А. Скоринкина «Битва на Немиге» в качестве эпиграфа выступают строки из двух библейских источников:

стадо... бросилось с крутизны и погибло в воде...

Евангелие от Матфея, 8:32.

Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду  
человеков, подавляющих истину неправдою...

Послание к Римлянам, 1:18.

[7, 157].

Данное произведение – отклик на трагические события, произошедшие 30 мая 1999 года в Минске возле станции метро «Немига». Автору удалось поэтически воссоздать картину последствий несоблюдения основ Закона Божьего современным человеком, придавая тем самым особое значение знаниям вечным, непреходящим.

Таким образом, эпиграф с точки зрения диалогических отношений может выполнять несколько функций. Во-первых, эпиграф содержит информацию для интерпретации литературного произведения, выполняя тем самым информативную задачу. Во-вторых, эпиграф свидетельствует об интеграции культурных традиций различных эпох, создавая историко-литературные, сюжетные и жанровые контексты, реализовывая смыслообразующую функцию. В-третьих, эпиграф – это приглашение к диалогу различных авторов, текстов и, в целом, культур.

Также в русскоязычной лирике Беларуси выделяется корпус лирических произведений с *посвящением* конкретному лицу (Юрию Кузнецову «Послание к стихотворцу», Калине Стахович «Калина красная», Памяти Сергея Гомзы «Эпитафия», Владимиру Скоринкину «Посвящение переводчику» – в лирике А. Скоринкина; «Арсению Тарковскому», цикл «Стихи Цветаевой» – у В. Блаженного; Ольге Седаковой; Елене Шварц; Алексею Жданову; Вениамину Айзенштадту, памяти Корнея Чуковского – в творческом наследии Д. Строцева), которое выполняет функцию ссылки на авторитет, на знаковую фигуру в жизни поэтов.

Исследование современной русскоязычной лирики Беларуси с позиций паратекстуальности позволило выделить такие компоненты паратекста, как заголовок, подзаголовок, эпиграф, посвящение; обозначить особенности их функционирования в поэтическом пространстве. Таким образом, паратекстовые элементы выступают интертекстуальными маркерами, они ориентированы на читателя и облегчают процесс

понимания лирического произведения, расшифровывая основной текст многочисленными отсылками на предшествующую литературу.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев, А. Н.* Персоноцентризм как феномен культуры / А. Н. Андреев. Бел. гос. ун-т. Гум. фак. – Минск, 2012. – Деп. в БГУ. – <http://elib.bsu.by/handle/123456789/24357> // Универсальное и национальное в культуре : сб. науч. ст. – Минск, 2012. – С. 67–78.
2. *Кабыкина, Ю. В.* Рамочный текст в драматическом произведении: дис. канд. филол. наук: 10.01.08 / Ю. В. Кабыкина. – Москва, 2009.
3. *Колотов, А. А.* Паратекстуальный подход в современном литературоведении / А. А. Колотов // I Международная заочная научно-практическая конф. «Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования»: сборник материалов конференции (30 сентября 2011 г.). – Краснодар, 2011. – С. 37–41
4. *Кораблева, Н. В.* К вопросу о типологии интертекстуальных связей / Н. В. Кораблева // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики : материалы X междунар. науч. конф., 19–21 сент. 2004 г., Гродно : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т ; отв. ред. : Т. Е. Автухович, А. С. Смирнов. – Гродно : ГрГУ, 2005. – Ч. 1. – С. 240–249.
5. *Михеев, К. Н.* Стихи Мнемозине: Избранные стихотворения / К. Н. Михеев. – Москва: Нов. знание, 2002.
6. *Олизько, Н. С.* Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: дис. д-ра филол. наук: 10.02.19 / Н. С. Олизько. – Челябинск, 2009.
7. *Скоринкин, А. В.* Маттиолы: сб. поэзии / А. В. Скоринкин. – Минск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2012.
8. *Скоринкин, А. В.* Черный аист: сб. поэзии / А. В. Скоринкин. – Минск: Бел. Дом печати., 2009.